

УДК 94 (410) «1875»

«ПОСТОРОННИЕ В ПАРЛАМЕНТЕ!»: ПРОЦЕДУРНЫЙ КАЗУС 1875 ГОДА (из истории политической культуры викторианской Англии)

Н. В. Дронова

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
E-mail: Dronova_n@mail.ru

Статья посвящена истории периодической печати в Великобритании в контексте эволюции демократических институтов британского общества. Проблема рассматривается на примере одного из ярких эпизодов истории британского парламентаризма 1875 г. Работа построена на материалах британского парламента, прессы, мемуаров.

Ключевые слова: история Великобритании, парламент, пресса.

«Strangers in Parliament!»: the Procedural Incident of
1875 (from History of Political Culture of the Victorian
England)

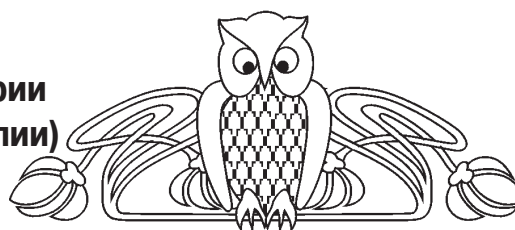
N. V. Dronova

The article is devoted to history of periodicals in Great Britain in a context of evolution of democratic institutes of the British society. The problem is considered on an example of one of bright episodes of history of the British parliamentarism of 1875. Work is based on materials of the British parliament, the press, memoirs.

Key words: history of Great Britain, parliament, periodicals.

9 апреля 1875 г. две ведущие столичные газеты – «Таймс» и «Дейли ньюс»¹ – опубликовали текст письма гондурасского посланника в Париже, адресованного председателю парламентского комитета по внешним делам Роберту Лоу. В нем излагались нелицеприятные факты, связанные с деятельностью одного из парламентариев – капитана Бедфорда Пима. Это не прошло незамеченным – уже 13 апреля вопрос стал предметом обсуждения в нижней палате².

Любые документы, оглашаемые заседаниях комитетов или предлагаемые членам палат, имели конкретных адресатов – парламентариев. Для публикации в прессе они не предназначались. С 1837 г. публиковать какую-либо информацию, рассматриваемую комитетами, было категорически запрещено любому частному лицу включая и членов самого комитета. Такое право относилось к числу привилегий самого парламента³. Поэтому, с одной стороны, публикация названного письма в «Таймс» и «Дейли ньюс» была очевидным нарушением прерогатив парламента и внесение на рассмотрение нижней палаты резолюции с требованием признать публикацию в газетах «нарушением прав парламента» было вполне юридически правомерным⁴. С другой стороны, сложилась практика, согласно которой репортеры постоянно

присутствовали в помещениях, где работают члены комитетов, имели там свои привычные места и даже хранили канцелярские принадлежности. Стало быть, председатель комитета не мог не понимать, что услышанное репортерами в тот же день станет достоянием гласности⁵. Требование парламентской традиции, таким образом, вошло в противоречие с изменившейся жизнью.

Описанная в письме история была очень не красивой: фигура нечистого на руку депутата-корыстолюбца наносила ущерб престижу и страны, и представительного учреждения. Состоялись шедшие несколько недель бурные дебаты, в ходе которых даже была забыта церемонная корректность парламентского слога и использовались малоизящные в респектабельной обстановке древнего учреждения эпитеты вроде «партия тупиц» (stupid Party) и «партия головотяпов» (blockheaded Party)⁶ в адрес правящих в ту пору консерваторов.

Премьер-министр Великобритании Б. Дизраэли высказал недовольство тем, что непроверенная информация, затрагивающая честь и достоинство одного из депутатов, была сделана достоянием гласности: это наносило ущерб и самому парламенту⁷. Но уже очень скоро вопрос приобрел более масштабную постановку, утратил первоначальное определение как вопрос о «привилегиях парламента». Он получил развитие как вопрос о «прессе и парламенте» и был оценен как «самый серьезный из вопросов общественной жизни Англии»⁸. Эта эволюция отразила главный содержательный стержень обозначившейся проблемы. К ответу были призваны издатели газет⁹.

Дебаты по этому вопросу приобрели острый характер. В течение полутора месяцев он приковывал к себе внимание обеих палат. Важность проблемы и острота полемики побудили выступить 52 оратора. Ему было посвящено двенадцать заседаний. Он не сходил со страниц самых солидных лондонских газет. Страсти накалились. Самым непримиримым оппонентом оказался премьер-министр Дизраэли, которого поддерживали парламентарии-консерваторы. Ему противостояла оппозиция, меньшая по численности, но очень решительно настроенная и столь же активно действовавшая во главе с Джозефом Биггаром и Александром Салливаном.

Джозеф Биггар¹⁰ был человеком достаточно известным. Будучи ирландцем, он занимал последовательную и радикальную позицию по вопросу о гомруле. Биггар вошел в историю как виртуозный оратор и мастер парламентской об-

струкции. Именно он несколькими днями раньше блестяще использовал старинное правило давать неограниченную возможность высказываться по любому вопросу любому члену парламента и заставил депутатов в течение нескольких часов слушать себя. А двумя годами позднее – 12 апреля 1877 г. – он вместе с Ч. Парнеллом вынудил парламент заседать без перерыва уже двадцать шесть часов при обсуждении резолюции об аннексии Трансвааля. Формальный повод был тот же – освященный традицией запрет прерывать обсуждение вопроса, пока есть желающие как угодно пространно излагать свои соображения. Во многом именно Биггару современные парламенты обязаны тем, что ныне словоохотливость депутатов жестко ограничивается регламентом, равно как и пониманием того, что парламентская процедура может быть эффективным средством политической борьбы.

Другим героем этой истории был Александр Салливан – журналист, издатель, юрист. Он тоже был ирландцем, сторонником гомруля, пользовался заслуженной к тому времени репутацией бунтаря¹¹. Салливан сформулировал свое видение ситуации четко: «имеющие место в настоящем отношения между палатой общин и публичной прессой в вопросе о публикации материалов публичных слушаний в парламенте и комитетах» ненормальны. Их надо пересмотреть, с тем чтобы «избавить от постоянной угрозы публичную прессу, делающую полезное дело для парламента и страны»¹². По сути, Салливан формулировал вопрос в оптимистическом ключе: репортеры в парламенте – люди не праздные и уж совсем не посторонние. Дизраэли инициативу Салливана отверг. В ответ раздалось обещание – начиная со следующего дня требовать удаления из зала заседаний «посторонних»¹³.

Формула «Посторонние в парламенте!» не слишком часто, но звучала в британском парламенте времен королевы Виктории. Она была не нова, освящена долгой традицией ее применения и вполне укладывалась в контекст выработанной к этому времени парламентской процедуры. Ею не злоупотребляли: требование удалить из зала заседаний «посторонних», то есть лиц, находившихся во время дебатов на галерее для публики, раздавалось нечасто. Обычно это было сопряжено с обсуждением важнейших вопросов состояния армии, внешней или религиозной политики, обсуждать которые было уместно в узком кругу посвященных лиц, проблем, которые, по мнению парламентариев, могли «нанести урон общественной нравственности» или «поджечь общественные страсти».

Состав присутствовавших на галерее для публики обычно бывал пестрым. Это могли быть праздные и не праздные любопытствующие, включая политиков, не являющихся парламентариями. Заметную часть «посторонних» составляли дамы, из разных соображений наносившие ви-

зит в парламентское заседание. Здесь можно было находиться дипломатам иностранных государств. Там же позволялось находиться репортерам газет, которым по долгу службы вменялось в обязанность готовить информацию о ходе парламентских дебатов. Они и были самыми привычными обитателями галереи.

Внесение кем-либо из депутатов ходатайства об удалении из зала «посторонних» влекло за собой специальную процедуру, которая, впрочем, упростилась за несколько веков. К эпохе королевы Виктории она уже не предполагала перерыва в заседании палат на время обхода подземелий с целью поиска потенциальных злоумышленников. К 30-м гг. XIX в. заседание парламента возобновлялось сразу после того, как сторонняя публика покидала галерею, а по окончании «закрытого» заседания «посторонним» предлагалось вернуться.

Заседание палаты общин 27 апреля 1875 г. шло в обычном порядке. Исключение составляло, пожалуй, несколько большее, чем обычно, оживление на галерее для гостей. И вот здесь Джозеф Биггар, обращаясь к спикеру, произнес процедурную формулу «Посторонние в парламенте!»¹⁴. Это было абсолютно неожиданно. Под сводами палаты общин повисла тишина. После небольшой паузы спикер переспросил Биггара, действительно ли тот «видит посторонних». Биггар ответил утвердительно. В зале заседания стал нарастать необычный для этого учредения шум. Забеспокоились присутствовавшие на заседании члены кабинета. Процедура была соблюдена: спикеру ничего не оставалось, кроме как обратиться к «посторонним», которых в этот день было особенно много, с предложением удалиться.

Как только закрылись двери за последним из удаленных «посторонних», поднялся премьер-министр Бенджамин Дизраэли, встреченный оглушительными приветственными возгласами. Не излагая мотивов, он заметил, что выдворение «посторонних» не всегда общественное благо. «Сегодня как раз такой случай», – подчеркнул он. Дизраэли обратился к парламентариям, назвав их «ассамблеей английских джентльменов», с призывом «не потакать капризу» одного из членов палаты, дискредитирующего всех, и на этот раз процедуру не применять¹⁵. Слова Дизраэли были встречены громкими возгласами одобрения. Его решительно поддержал влиятельный политик из противоположного лагеря либералов маркиз Хардингтон¹⁶. Следом поднялся один из старейших членов палаты общин Чарльз Ньюдегейт, потребовавший у Биггара объяснения «его из ряда вон выходящему и позорному поступку»¹⁷. Но эти попытки переломить ситуацию успеха не имели.

В этот день в парламенте обсуждались вопросы о британском судоходстве, арктической экспедиции, очистке фабричного дыма, убийстве мало кому известного лейтенанта, кораблекрушении у Золотого Берега, уточнялись рутинные детали бюджета. И вот здесь-то и раздалось

требование «удалить из зала посторонних», что, в соответствии с регламентом, и было сделано. Естественно предположить, что за этим должен был последовать какой-то неординарный вопрос как раз их тех, которые составляли государственную тайну или могли нанести урон общественной нравственности. Но речь дальше пошла о состоянии британского племенного коневодства¹⁸. В течение ближайших двадцати минут до сведения членов палаты общин было доведено, что продолжительный экспорт кровных лошадей грозит подорвать престиж британского коневодства, и правительству было предложено озаботиться этим обстоятельством. Закончивший говорить о лошадях оратор – депутат Чаплин – обратился к Биггару с напоминанием о том, что тот, похоже, «забыл, что его допустили в общество джентльменов»¹⁹.

После этого «посторонние» вновь были приглашены в зал заседаний, что они – по большей части репортеры – не замедлили сделать. Среди возвратившихся первыми шли наследник престола принц Уэльский и германский посол, находившиеся на галерее²⁰. Стоит уточнить, что среди публики, которую попросили удалиться, находилось еще и несколько титулованных особ – пэров Англии, которых привлек в число зрителей один из ожидаемых в повестке дня вопросов – как раз о коневодстве. Становится совершенно очевидно, что запрос об удалении «посторонних» был осуществлен явно демонстративно, с учетом высокого ранга посетителей галереи для гостей. Об этом прямо и заявил герой дня: этим он хотел привлечь внимание к «неудовлетворительным отношениям», сложившимся между прессой и парламентом²¹.

Дж. Биггар и А. Салливан вдвоем и сыграли спектакль с «удалением посторонних» в течение ближайшего месяца неоднократно. Всем было понятно, что напрямую к ирландскому вопросу, как можно было бы предположить исходя из принадлежности обоих депутатов к гомрулерам, эта ситуация отношения не имела. Более того, она встретила осуждение ирландцев: один из них – Джордж Брайен – прокомментировал ее так: «Человек должен сначала быть джентльменом, а лишь затем патриотом»²².

Со следующего дня события, развернувшиеся в парламенте, стали «горячей новостью» ведущих английских газет. Изложение произошедшего было подробным. Но самый большой интерес, пожалуй, представляла его оценка. Наиболее ярко мысль была сформулирована в «Морнинг пост»: «Если публика лишится полноценной возможности знать, что происходит в стенах палаты общин, то палата перестанет представлять народ»²³. Самыми часто употребляемыми для оценки имевшего место положения дел были слова «абсурд» и «глупость»²⁴. Впрочем, образ, предложенный «Экономистом», был еще более колоритен: имеющий место обычай изгонять «по-

сторонних» заставляет вспомнить о «бронзовом или даже каменном ноже»²⁵. Александр Салливан обратился к редактору «Таймс» с письмом, опубликованным 29 апреля, в котором подробно излагал свою позицию, обещал быть стойким и выражал надежду на то, что разум возобладает (The Times. 1875. April 29. P. 6).

Развернулась оживленная парламентская дискуссия по поводу права репортеров присутствовать в зале заседаний парламента. Мнения разделились. Маркиз Хартингтон, выступая 4 мая 1875 г., добавил уточнение о праве газет помещать информацию о ходе парламентских дебатов²⁶. Он заметил, что времена изменились. Если при Карле I для парламента было жизненно важно скрыть свои намерения в условиях развивающегося конфликта с королевской властью, то теперь дело обстоит совершенно иначе. Публикация материалов дебатов служит на пользу и обществу, и парламентау²⁷. Но существующим порядком в любой момент репортеры могут быть поставлены в ложное положение. Поэтому необходимо урегулировать условия деятельности, права и обязанности сторон. Либеральная оппозиция настаивала на том, что запрет публикаций на парламентские темы устарел. Как выразился Роберт Лоу, которому в качестве главы комитета как раз и было адресовано злополучное письмо, послужившее причиной скандала, пресса – «это сила, с помощью которой мы можем эффективно влиять на страну»²⁸. «Все мы зависим от прессы», – вторил ему коллега-парламентарий Эдвард Хорсман²⁹. Они сходились в мысли, что нужно что-то делать.

Жесткую позицию занял премьер-министр, лидер консервативной партии Бенджамин Дизраэли: «Эти привилегии относятся к общим правам парламента. Они выработаны опытом многих поколений ..., даже веков. Ими будет результат опыта многих поколений. Если заложенная в них мудрость в настоящее время не очевидна, то рано или поздно она покажет себя в действии». Дизраэли предложил подтвердить безоговорочное право парламента выдворять «посторонних»³⁰. Критику Дизраэли в адрес Салливана в редакционной статье «Таймс» от 6 мая 1875 г. расценили как несправедливую, имевшую место практику как абсурдную, а Салливана – как своего рода героя, в одиночку сражающегося с монстром³¹. В редакционной статье «Экономиста» позиция Дизраэли была прямо названа «грубой ошибкой»³². А сам возмутитель спокойствия Александр Салливан резюмировал: журналисты больше не будут выказывать «позорное терпение»; «солнце в последний раз закатилось над рабством прессы»³³.

Парламентская дискуссия закончилась победой консервативного большинства, которое подтвердило старинные привилегии парламента.

Самым важным результатом парламентского казуса, пожалуй, была постановка вопроса о механизмах взаимодействия парламента и прессы в меняющемся обществе, за которым стояли другие

вопросы – о полноте публикуемой информации, о праве на нее общества, о правовых гарантиях деятельности журналистов и издателей. Проблема назрела. Процедурный казус 1875 г. послужил своеобразным пусковым моментом важного процесса. Несколькими годами позднее – в 1878, 1879 и 1880 г. – издателями и журналистами, количество которых среди депутатов парламента неуклонно возрастало (в 1868 г. 3 владельца газет, в 1880 уже 11³⁴), была предпринята новая попытка законодательного урегулирования отношений прессы и парламента. По их инициативе в течение ряда лет специально созданный комитет разрабатывал проект закона «О наказании за клевету в печати». Действовавший к тому времени в Британии «Закон против клеветы» не имел четких юридических очертаний, что давало обеим сторонам – властям и издателям – возможность его вольного толкования. В такой ситуации конфликт был неизбежен – это показал рассмотренный казус 1875 г. Более того, он должен был обрести черты постоянства.

Билль обсуждался в течение ряда лет и, в конечном итоге получив одобрение нижней палаты, так и не стал законом, закончив свое существование в палате лордов. В этом была своя логика – сопротивление принятию «Закона о наказании за клевету в печати» было явным продолжением той же линии, которая просматривалась в удалении из парламента «посторонних». Произвольность трактовки закона расширяла поле для политического маневра и обеспечивала широкие возможности воздействия на единственные в ту пору средства массовой информации. Впереди были новые баталии.

Примечания

- 1 См.: The Times. 1875. April, 9 ; The Daily News. 1875. April, 9.
- 2 Great Britain Parliament. The Hansard's Parliamentary Debates. 3 Series (далее – HC Deb.). L., 1875. Vol. 223. 13 April. P. 787–811.
- 3 Ibid. P. 788.

- 4 Ibid. P. 794.
- 5 Ibid. P. C.795.
- 6 HC Deb. 1875. Vol. 223. 16 April. P. 1148.
- 7 HC Deb. 1875. Vol. 223. 13 April. P. 795–796.
- 8 Ibid. P. 800.
- 9 HC Deb. 1875. Vol. 223. 13 April. P. 810–811 ; Vol. 223. 16 April. P. 1116.
- 10 См.: Dictionary of National Biography. Suppl. I. L., 1901. Vol. 1. P. 195–196.
- 11 Ibid. Vol. 55. P. 157–159.
- 12 HC Deb. 1875. Vol. 223. 22 April. P. 1451.
- 13 Ibid.
- 14 HC Deb. 1875. Vol. 223. 27 April. P. 1692.
- 15 Ibid. P. 1693.
- 16 Ibid.
- 17 Ibid. P. 1693–1694.
- 18 Ibid. P. 1694–1735.
- 19 Lucy H. A Diary of Two Parliaments. 1874–1880. L., 1885. P. 85.
- 20 Ibid. P. 84–85.
- 21 HC Deb. 1875. Vol. 223. 27 April. P. 1694.
- 22 Lucy H. Op. cit. P. 84.
- 23 The Morning Post. 1875. April 28. P. 4.
- 24 The Times. 1875. April 28. P. 11 ; 1875. April 30. P. 9 ; The Daily News. 1875. April 26. P. 5.
- 25 Parliament and the Press // The Economist. 1875. May 8. P. 546.
- 26 HC Deb. 1875. May 4. Vol. 224. P. 48–49.
- 27 Ibid. P. 50–51.
- 28 Ibid. P. 84.
- 29 Ibid. P. 92.
- 30 Ibid. P. 50–51.
- 31 The Times. 1875. May 5. P. 9.
- 32 Parliament and the Press // The Economist. 1875. May 8. P. 546.
- 33 HC Deb. 1875. 4 May. Vol. 224. P. 89.
- 34 Thomas J. A. The House of Commons. 1832–1901. A Study of its Economic and Functional Character. Cardiff, 1939. P. 14–15.

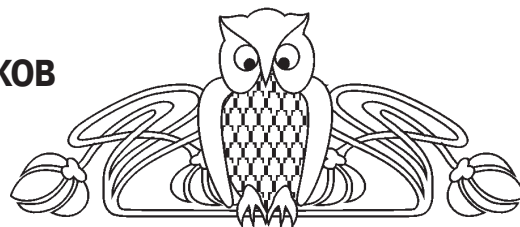
УДК 94(420).081+929Новикова

ОЛЬГА НОВИКОВА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ

Н. В. Бородавкина

Саратовский государственный университет
E-mail: tash_19@mail.ru

Статья посвящена изучению жизни и деятельности О. А. Новиковой, русской писательницы, жившей в Лондоне во второй половине XIX в. Особое внимание уделяется рассмотрению взаимоотношений Ольги Новиковой и представителей интеллектуальной и политической элиты Великобритании, в частности лидера либеральной партии У. Гладстона. Автор анализирует позицию

современников относительно той роли, которую Ольга Новикова играла в общественной и политической жизни Великобритании, в развитии англо-русских отношений.

Ключевые слова: социальная история Англии, Викторианская эпоха, политическая элита Великобритании, Ольга Новикова, У. Гладстон, У. Стэд.